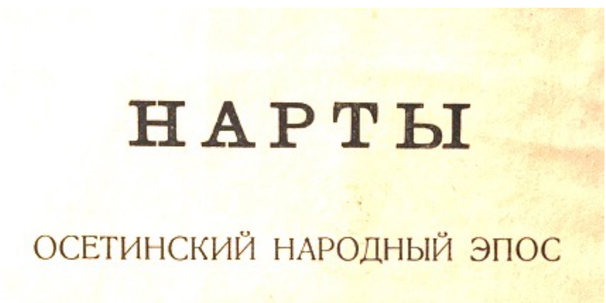
ГЕОРГИЙ БЕКОЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Одна нация пополняется за счет другой, более могущественная и многочисленная поглощает ту, что слаба и малочисленна…

Не все знают, особенно на севере Осетии, что до тридцать восьмого года осетинский алфавит был составлен на основе латинской графики. Все предметы в школе мы проходили на родном языке. Однако в тридцать восьмом алфавит был пересмотрен: в Северной Осетии перешли на кириллицу, в Южной его составили на основе грузинского графики.

Не удивительно ли – два алфавита для одной нации!..



Ход, как, очевидно, и предполагалось, оказался результативным: между северными и южными осетинами был вбит здоровый клин, ведь северяне не могли уже прочитать ни одной строчки из того, что издавали за хребтом их братья, поскольку не были знакомы с грузинской графикой.

В начале 1949 года нас оглушила, подобно грому, весть: ночью кто-то расклеил в городе прокламации, в которых говорилось о том, что каждая нация имеет право получать образование на своем родном языке.

Прокламации были составлены из цитат, взятых из работ Ленина и Джугашвили. Наблюдение было установлено за интеллигенцией, особенно в пединституте. Шпионы были на каждом курсе, на каждом факультете.

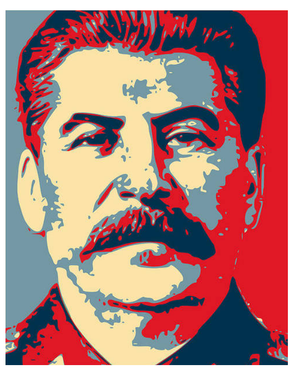
Ладик Уанеты посчитал нужным предупредить меня о том, что дело, в которое я ввязался, настолько серьезно, что немудрено оказаться и за решеткой… Я был согласен на всё. Приближался день рождения «вождя народов», и мы собирались распространить их как раз накануне. Не знаю, кому тогда пришла в голову идея наклеить в двух верхних углах листовок портреты Ленина и Сталина. Тогда, говорит, их ни за что не сорвут, побоятся повредить портреты. Так оно и вышло… Срывали их действительно со всеми предосторожностями. Там, где это было возможно, вырезали даже с куском забора.

Как рассказывали, в Союзе писателей, например, все старались выпытать об этом что-нибудь друг у друга.

Не лучше было положение и у писателей. Их тоже подозревали в деле с листовками и постоянно держали под наблюдением. Побывавший в плену у немцев, Георгий Дзугаты никак не мог устроиться на работу… Был отстранен от должности и Гафез. Резо Цоциты имел неосторожность написать в своих воспоминаниях об Арсене: «Пойдем домой засветло, а не то улица Джапаридзе так темна и неухожена, что рискуем угодить где-нибудь в грязь». За это он прослыл антисоветчиком и пасквилянтом. Рассчитывая спастись от тюрьмы, он бежал в Северную Осетию, но там его и кинули за решетку.

Мы отправились в Тбет. Света не было и мы вынуждены были играть спектакль при керосиновой лампе… До конца оставалось совсем немного, когда меня позвал один из актеров. Я вышел… Ко мне подошли двое, неподалеку я увидел черную машину. И – все понял. Нас обвиняли в национал-шовинизме, называли агентами американской разведки, антисоветчиками.

Огласили приговор: Ладику Уанеты – 25 лет лагерей и 5 лет лишения прав, Зауру Джиоты – 10 лет и 5, Леве Гасситы и Хазби Габуты – та же мера наказания. Меньше всех досталось мне – 8 лет лагерей и 3 года лишения прав.



Петр Хозиты. Вспоминая Георгия Бекоева…

С Георгием(Гоги) Бекоевым мне посчастливилось познакомиться в конце 90-х годов прошлого столетия в здании государственного телевидения «Алания», где он был довольно частым гостем. Поэтому его на телевидении знали почти все, особенно из среды журналистов старшего поколения. Знали они и о том, что каждый раз Георгий приходил с какой-то газетной публикацией из российской центральной или зарубежной прессы и просил, чтобы заинтересовавшая его информация стала достоянием всех жителей Осетии. Знали они и тему, с которой Гоги мог прийти в редакцию – это тема репрессий, тема невинно пострадавших в те годы людей, тема осознания этой невосполнимой беды всеми жителями Осетии. До конца своей жизни он не мог примириться с тем, что многие его соотечественники так и не поняли масштаб трагизма тех лет, не осудили их, как сделал он сам, неустанно ища в этом вопросе единомышленников. Чуть позже я узнал причину такого ожесточенного и непримиримого отношения Гоги к данной теме – Георгий Бекоев был одним из членов подпольной организации «Рæстдзинад», который был организован молодыми ребятами из Южной Осетии в знак протеста отмены осетинского языка со стороны Грузии.

Грузинский национализм не знал предела и тогда: вместо латиницы, которой до 40-х годов пользовались осетины Южной Осетии, им навязали даже не кириллицу, а чуждый грузинский алфавит. Грузинский язык был насильно внедрен не только в школах, но и в делопроизводство, во все другие сферы жизни. Таким образом, единый народ Осетии был разделен не только территориально и административно, но и по языку. И против этой вопиющей несправедливости осмелилась восстать только группа юношей из пяти человек, некоторые из которых сами еще были школьниками…

Смерть Сталина и развенчание культа личности позволила им вернуться в родные дома. Бекоев Георгий был реабилитирован в 1954 году.

В последние годы его жизни мы общались чаще, в основном по телефону. Он следил за моей работой на телевидении. Помню его доброжелательность во всех его оценках и суждениях. И, конечно же, его восторг, его громкую, по-детски искреннюю радость после победы в пятидневной войне 2008 года.

Закончу свое короткое воспоминание о Георгии Бекоеве опять-таки словами о том, что мне посчастливилось познакомиться с ним, с этим светлым, добрым, замечательным человеком, с настоящим патриотом своего народа.

Публикацию подготовила Людмила Тандуева